

Собака лает на собаку — только шерсть летит. Пожалуй, именно так можно было описать происходящее. Ши Цин стоял в стороне, с удовольствием наблюдая за этим представлением, и, услышав слова горничной, слегка улыбнулся:

— О, неужели? И какие же у тебя есть доказательства?

Юэ Сянь при этих словах заметно занервничала, фальшивая улыбка едва не сползла с её лица. Она не удержалась, шагнула вперед и поспешила перебить:

— Сестрица, ни в коем случае не верь ей! Она настолько коварна, что без труда выдумает любую ложь, лишь бы разрушить наше доверие друг к другу!

Столь безжалостные слова окончательно поставили их по разные стороны баррикад. На лице горничной отразилась невиданная доселе решимость. Она отвесила низкий поклон, ударившись лбом о пол, и произнесла:

— У меня есть собственноручные письма госпожи Юэ Сянь. Я не передала их адресату и не сожгла. К тому же у меня остался её нефритовый кулон — тот самый, который Госпожа подарила ей, когда она только вошла в дом.

С этими словами горничная достала из-за пазухи ярко-зелёный кусочек нефрита. Ши Цин взял его и присмотрелся: это действительно была та самая подвеска, которую он когда-то пожаловал Юэ Сянь.

Юэ Сянь окончательно потеряла самообладание:

— Сестрица, не слушай её бред! Я потеряла этот кулон давным-давно, даже не знаю где. Кто бы мог подумать, что эта девка его украла, а теперь пытается свалить вину на меня! Видно, насколько она злобна!

Горничная холодно усмехнулась:

— Госпожа Юэ Сянь, вы, должно быть, забыли, что вместе с кулоном вы передали мне и свои письма. Я сохранила их все до единого.

Она вытащила из-за пазухи свернутый в трубочку листок бумаги. Ши Цин развернул его — почерк на бумаге был точь-в-точь как у Юэ Сянь.

Доказательства были у всех на виду. Ши Цин поднял взгляд на Юэ Сянь: та от испуга не смела встретиться с ним глазами, но в её взгляде читалась такая убийственная ненависть, что становилось не по себе.

— Ну, и что ты теперь скажешь в своё оправдание?

На листке изящным почерком были изложены подробные инструкции, которые теперь превратились в обвинительный акт. Все её грехи были перечислены по пунктам, и теперь, даже имея она десять ртов, ей было не отмыться.

Юэ Сянь, до этого сохранявшая хоть какое-то подобие спокойствия, окончательно запаниковала. Маска добродетели рухнула. Она сделала несколько шагов вперед и прошипела сквозь зубы:

— Не забывай, мы с тобой в одной лодке! Если я утону, тебе от этого никакой выгоды не будет!

Ши Цин, видя, как с неё слетела всякая спесь, лишь слегка изогнул губы в усмешке:

— В одной лодке? С чего бы это? Не припомню, чтобы меня хоть что-то связывало с такой глупой особой, как ты.

Это была прямая насмешка, растоптавшая достоинство Юэ Сянь. Она больше не могла сдерживаться, её лицо исказилось от ярости, а голос стал угрожающим:

— Не боишься, что я расскажу Генералу обо всем, что ты натворила?

— Самая большая глупость — это пытаться отрезать путь к отступлению другим, когда сам зашел в тупик. Ведь откуда тебе знать, был ли это для него единственный путь? — Ши Цин мягко улыбнулся. Эта улыбка, казалось бы, такая светлая, в глазах Юэ Сянь выглядела как оскал демона.

Она истерически рассмеялась, полная невыносимой обиды:

— Я и подумать не могла, что споткнусь именно о тебя! Но не радуйся раньше времени. Мы обе всего лишь пешки, так какая разница, кто выше, а кто ниже? Когда ты перестанешь быть полезной, тебя выбросят, как и меня! Жди, сегодняшний день для меня — это твое завтра! Рано или поздно ты окажешься в той же яме, что и я. Я буду ждать этого дня!

Юэ Сянь окончательно обезумела. Окружающие не понимали, о каких загадках говорят эти двое, даже Цайлань была в растерянности.

Она обеспокоенно посмотрела на Ши Цина:

— Госпожа...

Ши Цин махнул рукой:

— Со мной всё в порядке. Уведите их и передайте Генералу на расправу.

Он уже собрался уходить, как вдруг, обернувшись, врезался в чью-то широкую грудь. Нос пронзила острая боль, и ругательство, готовое сорваться с языка, с трудом удалось удержать.

Он поднял голову и, как и ожидалось, увидел перед собой Чжун Бая, который по всем правилам должен был заниматься делами в кабинете. Его статная фигура и суровое выражение лица источали такое давление, что невольно становилось страшно. Властность, присущую человеку на такой должности, невозможно было подделать.

— Раз уж я здесь, то разберусь со всем прямо при всех. Эй, вы! Проведите их по улицам города, пусть расскажут людям всю правду. Если хоть кто-то усомнится в их словах — водите их по кругу до тех пор, пока каждый не поверит.

Ши Цин замер. Он ожидал, что Генерал просто как-то накажет виновных, но такой метод его искренне удивил. Это был лучший способ восстановить его доброе имя, хотя такая огласка могла породить новые сплетни. И всё же, он не мог не признать, что этот жест его тронул.

— Генерал! Он такой же, как я! Почему вы до сих пор держите его рядом?! — Юэ Сянь не могла поверить своим ушам. Она попыталась вырваться, но её держали слишком крепко, и любое движение тут же пресекалось. К Чжун Баю ей было не подойти.

Чжун Бай, бросив на Юэ Сянь многозначительный взгляд, больше не удостоил её ни единым словом, полностью сосредоточившись на Ши Цине.

— Госпожа, у вас есть возражения против моего решения?

Ши Цин не ожидал, что тот спросит его мнение, и растерянно покачал головой. Раз уж всё решено, какие могут быть возражения?

Расстояние между ними было слишком малым. Ши Цин почувствовал неловкость и сделал шаг назад, но Чжун Бай властно обхватил его за талию и притянул к себе. Крепкие руки, сжимавшие тонкую талию, и исходящий от него мужской аромат едва не лишили Ши Цина чувств.

Такая неожиданная близость выбила его из колеи. Он затаил дыхание, а его лицо, несмотря на всю выдержку, вспыхнуло, сердце забилось в бешеном ритме.

— Отпусти меня!

Ши Цин слегка дернулся, но это не возымело никакого эффекта — со стороны это выглядело лишь как кокетство. Юэ Сянь, глядя на эту сцену, впала в ярость: всё это должно было принадлежать ей!

Шествие по улицам длилось семь дней, пока слухи окончательно не утихли. В городе все только и говорили о чувствах Генерала и его Госпожи. Такая забота показала всем, насколько глубоки их отношения. Даже если оба они были мужчинами, такая преданность вызывала лишь зависть и восхищение. Но в резиденции премьер-министра всё было иначе.

— Отец! Ты слышал, что говорят в городе?

Дверь кабинета резко распахнулась, издав громкий стук. Премьер-министр, сидевший за столом, нахмурился, но, увидев свою младшую дочь, проглотил готовое сорваться с языка ругательство. Вместо этого он выдавил из себя ласковую улыбку:

— О каких слухах ты говоришь? Расскажи-ка отцу.

Однако он не ожидал, что дочь выкинет такой номер.

— Я хочу выйти замуж за Генерала!

<http://bllate.org/book/21594/2226167>